

№ 132

№ 57246

БИБЛИОТЕКА
И. М. У.

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей)

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents.
Rev. A. Hotovitzky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter.

No. 22 Vol. XVI. New York, November 28, 1912, 15 Ноябрь 1912 г No. 22.

ВЫСОЧАЙШАЯ ТЕЛЕГРАММА.

6 Декабря Его Императорскому Величеству Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою Архіепископомъ Платономъ были принесены привѣтствія въ слѣдующей каблеграммѣ:

«ЦАРСКОЕ СЕЛО. ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Православные русскіе американцы въ день Вашего Ангела просятъ Васъ, нашъ Государь, принять ихъ привѣтъ, горячую любовь и безконечную преданность и со всею Русью поютъ Вамъ нынѣ, какъ и всегда, многая лѣта.
Архіепископъ ПЛАТОНЪ».

Въ тотъ же день отъ Государя Императора Его Высокопреосвященствомъ получена была милостивая каблеграмма съ выраженіемъ Высочайшей Его Императорскаго Величества благодарности:

«Русскому Архіепископу ПЛАТОНУ, Нью Йоркъ.

Передайте, Владыко, всей Вашей паствѣ Мою благодарность за молитвы и выраженные чувства.
НИКОЛАЙ».

Боголюбезнымъ Пастырямъ и Пасомымъ Американской Церкви Православной.

TO THE PASTORS BELOVED OF GOD AND THE FLOCKS OF THE
ORTHODOX AMERICAN CHURCH.

Новую тяжелую утрату понесла наша святая церковь православная. Вслѣдъ за великимъ иерархомъ русскимъ митрополитомъ Антоніемъ, въ Бозѣ почившимъ 2 (15) ноября, 13 (26) ноября мирно отошелъ къ Господу Его Святѣйшество, Іоакимъ III, Архіепископъ Константи-на града — Новаго Рима, Греческій и Вселен-скій Патріархъ.

Великая церковь Константинопольская долго будетъ оплакивать кончину Святѣйшаго Іоакима, столпа православія, мудраго кормчаго ко-рабля церковнаго, пламеннаго патріота, еще въ послѣднія минуты жизни своей горѣвшаго же-ланиемъ совершить Божественную Литургію въ исторической святынь греческаго народа — бывшемъ храмѣ св. Софій — Божьей Прему-дрости.

Церковь русская православная, а вмѣстѣ съ нею и наша американская не могутъ не отклик-нуться на горе матери-церкви своимъ горячимъ соболѣзнованіемъ и усердною молитвою объ упокоеніи въ горнихъ обителяхъ великой души великаго старца — свѣтильника церкви право-славной, тѣмъ болѣе, что въ Бозѣ почившій патріархъ всегда съ особенною любовью отно-сился къ Россіи и свои взоры съ трогательною преданностью устремлялъ на Государя Импера-тора, котораго въ письмахъ именовалъ высо-кимъ покровителемъ и единымъ могучимъ за-щитникомъ св. вѣры православной на всемъ земномъ шарѣ.

Было извѣстно почившему Святителю и со-временное положеніе православной церкви американской, къ которой онъ относился съ полнымъ доброжелательствомъ и которой одна-жды, напр., оказалъ великую услугу, изобли-чивши обманъ Серафима Уствольскаго, выда-вавшего себя за митрополита.

За нѣсколько времени до блаженной кончи-ны своей Его Святѣйшество съ священникомъ

Our holy Orthodox Church had another heavy loss. After the great Russian hierarch the Metropolitan Antonius who rested in God 2/15 November, His Holiness Joachim III, Archbishop of Constantinople, the New Rome, the Greek and Universal Patriarch, peacefully returned to the Lord, 13/26 Nov-ember.

Many a year yet the great Church of Con-stantinople will lament the death of the Most Holy Joachim, who was a pillar of Orthod-oxу, a wise pilot of the ecclesiastical ship, and an ardent patriot who to the last moment of his life was consumed with the desire to celebrate the Divine Liturgy on the sacred spot of the Greeks which was once the cathed-ral of St. Sophia, the Wisdom of God.

The Orthodox Church of Russia and to-gether with it our own American Church will not fail to respond to the sorrow of the Mother Church by an ardent sympathy and a fervent prayer that the soul of the great aged man who had been the torch of the Orthodox Church, should in its heavenly abode,—all the more because the late patri-arch always felt especially fond of Russia and turned his eyes with a touching devotion towards our Emperor, whom in writing he always called the exalted patron and the only mighty defender of the Orthodox faith on the whole terrestrial Globe.

The late prelate was also acquainted with the conditions of the Orthodox Church of America whose wellwisher he was and to whom he once rendered a great service by exposing the fraud of Seraphim Oustvolsky who claimed he was a metropolitan. Only a little while before his blissful end His Holiness sent me with the reverend Michael An- dreadi, synthesising in my person the whole

Патріархъ Іоаннѣ III.

Мих. Андреади приелалъ мнѣ, а въ лицѣ моемъ и всей нашей Церкви здѣшней, молитвенный привѣтъ и добрыя отеческія пожеланія, а также и свой фотографическій прекрасной работы портретъ съ трогательной надписью.

Не успѣли мы отвѣтить великому святителю на землѣ, такъ возшлемъ горячія молитвы къ Престолу Всевышняго о блаженномъ упокоеніи патріарха Іоакима купно со святыми. Это будетъ даръ нашей любви и благоговѣнія предъ свѣтлою памятью почившаго, большую часть своей продолжительной 82-лѣтней жизни отдавшаго на служенье Церкви Божіей въ величайшемъ изъ всѣхъ земныхъ званій — санѣ Вселенскаго патріарха.

Великій на землѣ онъ будетъ великимъ молитвенникомъ о насъ и на небѣ.

Вѣчная память, блаженный покой вселенскому патріарху Іоакиму Ш.

Архіепископъ ПЛАТОНЪ.

27 ноября, 1912 г., г. Нью Йоркъ.

«О»

Т. РУЗВЕЛЬТЪ У ВЛАДЫКИ АРХІЕПИСКОПА.

Можно расходиться въ оцѣнкѣ личности бывшаго президента Рузвельта и по различному понимать и толковать его политическую этику, но одно несомнѣнно, что онъ и доселѣ не потерялъ своей огромной популярности въ Америкѣ, и имѣетъ массу восторженныхъ почитателей, которые считаютъ «Тэдди» самымъ замѣчательнымъ современнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Правда, произведеннымъ въ средѣ республиканской партіи расколомъ, какимъ Рузвельтъ хотѣлъ бы за счетъ гибели своей партіи, возвести себя опять на президентское кресло, онъ сильно уронилъ себя и подставилъ себя подъ ироническіе выпады прессы и ораторовъ, но и тутъ его необычайное счастье чуть не обернуло всѣ насмѣшки противъ Теддиныхъ враговъ. Почти наканунѣ выборовъ на Рузвельта сдѣлано было покушеніе, а онъ съ пулей въ груди простоялъ цѣлый часъ предъ взволнованной аудиторіей, читая свою рѣчь по тетрадкѣ насквозь пробитой этой пулей, раньше чѣмъ со-

of our Church in this country, his greeting in prayer and kindly fatherly wishes and likewise his photographic picture of the most beautiful workmanship and with a touching inscription.

We did not have the time to send our answer to the great prelate whilst he still was on earth. Therefore let us send our most ardent prayer to the throne of the Most High for the blissful rest of patriarch Joachim together with the Saints. This will be the gift of our love and reverence to the bright memory of the late deceased, who gave the greater part of his long octogenarian life to the service of the Church of God, in the greatest of all earthly callings, in the grade of an Ecumenical Patriarch.

In heaven he will be as great an intercessor for us as he was on earth.

An eternal memory and a blissful rest to the Ecumenical Patriarch Joachim III.

Archbishop PLATON.

Nov. 27, 1912, New York.

гласился быть осмотрѣннымъ докторами. Это было уже геройствомъ, проявленіемъ гражданскаго долга въ той красивой и побѣждающей формѣ, которая заставляетъ забыть недочеты противника и бѣжать за его колесницей съ криками восхищенія. Несомнѣнно, при выборахъ это самообладаніе Рузвельта дало ему большую половину полученныхъ имъ голосовъ, и хотя въ концѣ концовъ въ Бѣлый Домъ онъ на сей разъ не попалъ, но остался сильнымъ кандидатомъ на 1916 годъ.

Что скажетъ 1916 годъ, предугадать пока трудно, но сейчасъ пресса попрежнему слѣдитъ за каждымъ словомъ и движеніемъ г. Рузвельта, статьи его цѣнятся на вѣсь золота, и даже частныя его интервью обставляются такими оговорками и опасеніями, какія иному показались бы даже смѣшными, если бы не знать, какъ безцеремонно здѣшніе репортеры обобщаютъ въ свои выводы краткія замѣчанія вы-

слушанныя ими отъ интервьюируемыхъ лицъ и какія бури порождаютъ этими свои выводами въ общественной жизни Америки.

Еще въ началѣ этого года состоялось личное знакомство Высокопреосвященнѣйшаго Владыки съ г. Рузвельтомъ. Бывшій президент обнаружилъ тогда же почтенное знаніе Русской исторіи и литературы, и весьма откровенно и убѣжденно заявилъ, что Россіи принадлежитъ будущее... Отзывался онъ о Россіи очень симпатично и жалѣлъ, что въ поѣздку по разнымъ странамъ Европы, не удалось ему побывать въ Россіи, гдѣ, по увѣренію Владыки, онъ нашелъ бы самый радушный пріемъ, на какой способенъ нашъ добрый русскій народъ. Тогда же Рузвельтъ выразилъ желаніе быть у Владыки Архіепископа и продолжить обмѣнъ мыслей по разнымъ вопросамъ, но затѣмъ отъѣздъ Его Высокопреосвященства и выборы президентскіе отдалили это свиданіе до начала Ноября. Уже на третій день по прибытіи Владыки изъ Россіи, другъ г. Рузвельта г. Мак-Би, — бывшій издатель журнала «The Churchman», недавно посѣтившій Россію, — просилъ Владыку по телефону назвать день, часъ, когда бы г. Рузвельтъ могъ прибыть съ визитомъ. И въ назначенный день и часъ знаменитый «Тэдди» своей обычной бодрой походкой вошелъ подъ кровлю архіерейскаго дома, извинившись напередъ, что онъ можетъ побыть здѣсь только «минутку».

Минутка однако разрослась въ три четверти часа. На столѣ у Владыки появился русскій чай, и оживленная бесѣда такъ увлекла гостя, что онъ не торопился уходить.

Бесѣда была предварена заявленіемъ г. Рузвельта, что этотъ визитъ — первый къ кому бы то ни было, если не считать посѣщенія президента, со времени возвращенія его въ Америку изъ заграничнаго путешествія два года тому назадъ. Разговоръ коснулся, конечно, прежде всего недавняго покушенія въ Мильвоки на жизнь г. Рузвельта, причѣмъ припомнились и другія недавнія покушенія, въ томъ числѣ и фатальный выстрѣлъ въ А. П. Столыпина, ко-

торого Рузвельтъ считалъ замѣчательнымъ человекомъ. Владыка выразилъ свое восхищеніе по поводу удивительнаго самообладанія г. Рузвельта, не пожелавшаго послѣ полученія раны лечь въ постель, и говорившаго болѣе часа рѣчь предъ собраніемъ своихъ выборщиковъ. На это ех-президентъ отвѣтилъ, что въ его возрастѣ и положеніи люди становятся менѣ чувствительны къ вопросамъ личной сохранности, чѣмъ къ общественнымъ интересамъ, за которые они отвѣтственны; что онъ привыкъ разсматривать себя и на гражданскомъ поприщѣ своего служенія такъ же какъ на военномъ посту; раненый въ сраженіи, онъ не оставилъ бы своего полка, пока силы окончательно ему бы не измѣнили.

Много интересныхъ темъ затронула эта бесѣда Владыки Архіепископа съ г. Рузвельтомъ, воспроизвести которую сейчасъ въ печати мы не въ правѣ. Подробно разспрашивалъ г. Рузвельтъ Владыку о православной русской паствѣ, о развитіи русскаго дѣла здѣсь въ Америкѣ.

Коснулись между прочимъ и предпринимаемаго г. Мак-Би «Конструктивнаго Богословскаго Трехмѣсячника», въ которомъ Его Высокопреосвященство обѣщало свое сотрудничество, и по предмету котораго написалъ еще весною г-ну Мак-Би письмо съ изъясненіемъ своего взгляда на благополезность этого предпріятія. Теперь Его Высокопреосвященство порадовалъ г. Мак-Би сообщеніемъ, что лучшіе профессора русскихъ академій лично выразили ему свое согласіе сотрудничать въ новомъ журналѣ. Тронутый Мак-Би убѣждено заявилъ г. Рузвельту, что Владыка — замѣчательный человекъ и государственный мужъ, и что въ этомъ дѣлѣ Владыка сдѣлалъ для него своимъ авторитетомъ больше, чѣмъ самъ константинопольскій патріархъ.

Обмѣнявшись прощальными привѣтствіями и наглядно выразивъ свое знаменитое «delighted» мощнымъ рукопожатіемъ, г. Рузвельтъ со своимъ спутникомъ покинули архіерейскій домъ.

Мысли о Православіи.

Concerning Orthodoxy.

(Окончаніе.)

Много дѣйствуетъ на неопытныхъ и увѣренность, съ какою имъ проповѣдуютъ ученіе Римское. Церковь Западная, сосредоточившись въ средніе вѣка около Рима и расширяясь по мѣрѣ умаленія Греческой, совершенно потеряла изъ виду Восточную сестру свою и едва слышала о разсадникѣ Православія на Сѣверѣ. Въ эту эпоху образовались окончательно всѣ ея іерархическія формы, имѣющія основнымъ узломъ кафедру Римскую. Самъ епископъ древней столицы, будучи законнымъ патриархомъ всего Запада и покоривъ себѣ оружіемъ крестоносцевъ прочіе четыре патриаршіе престола, совершенно позабылъ о прежнихъ своихъ отношеніяхъ равенства къ патриаршимъ Церквамъ Востока. Мало по малу возмечталъ и самъ убѣдился папа, что онъ есть единственный патриархъ и глава Вселенской Церкви. Мнѣніе сіе сдѣлалось теперь догматомъ Римской Церкви, безъ котораго она существовать едва ли можетъ, потому что къ сему узлу протянуты всѣ ея жизненные нити, и такъ постепенно устроились вся ея іерархія и церковное право, что съ главою Римскою сроднилось все Западное тѣло.

Точно такъ же, какъ форма монархическая сдѣлалась основаніемъ іерархія Римской, такъ и правленіе соборное, олицетворенное равными между собою патриархами, самобытными католикосами и синодами, искони было достояніемъ Востока, который не ищетъ, внѣ Христа, вещественнаго единства въ лицѣ одного іерарха, но въ духовномъ соборѣ всѣхъ, подъ единымъ Главою Христомъ, какъ

(Concluded).

People without experience are also greatly influenced by the assurance with which the Roman doctrine is preached to them. The western Church was centered around Rome in the Middle Ages and as it spread, the Greek Church dwindled; consequently, it lost sight of its eastern sister and heard but little about the young shoots of Orthodoxy in the north. During this period all its hierarchical forms were definitely settled, having for their foundation the see of Rome. The bishop of the ancient metropolis himself, being the lawful patriarch of the whole west and having conquered by the arms of the crusaders the remaining four patriarchates in the east, completely forgot his former relation of equality with the patriarchal churches of the east. Little by little the pope came to imagine and then to be quite convinced that he was the only patriarch and the head of the whole universal Church. At present this opinion is a dogma of the Roman Church, without which it could hardly exist, because this is the knot which ties together all its most vital cords and because gradually all its hierarchy and church canon came to be so arranged, that the whole of the western body had grown to be quite accustomed to the Roman head.

As the monarchical form grew to be the foundation of the western hierarchy in Rome, the rule of the Councils from old became the heritage of the east, represented by patriarchs, independent catholicoses and synods who are each other's equals; the east

и въ первобытныя времена Христіанства; ибо православная Церковь вмѣстѣ съ великимъ папою Григоріемъ разсуждаетъ, что «если одинъ, именующій себя вселенскимъ, впадетъ въ заблужденіе, то уже и вся Церковь не устоитъ въ истинѣ» (Пис. 36), и съ цѣлымъ соборомъ Карфагенскимъ не хочетъ думать, «чтобы Духъ Святой отступилъ отъ собранія всѣхъ епископовъ, дабы просвѣтить одного святителя» (Кн. пр., ст. 172), хотя и уступала ему узаконенное соборами первенство ея кафедры; однако первенство не есть главенство или исключительное намѣстничество Христово; но этого соборнаго порядка не хочетъ понять первосвященникъ Римскій, окруженный своими титулярными подручными патріархами Восточныхъ престоловъ. Посему его первое слово есть папа, но вторымъ словомъ уже покорность, и здѣсь невольно долженъ остановиться православный, чувствуя свое право и достоинство Церкви. Такимъ образомъ напрасно Западъ упрекаетъ насъ, будто мы не хотимъ единства; самъ онъ виною разрыва, предлагая условія неудобопріемлемыя, потому что они противны древнимъ уставамъ вселенскимъ, и никогда не можетъ возобновиться желанное согласіе, если не смирится прежде превозношеніе Римское, и неправильное главенство не обратится въ одно первобытное первенство кафедры древней столицы.

Но Римляне никакъ не могутъ этому повѣрить, потому что сами, взирая на Церковь православную изъ своего центра, составляютъ себѣ весьма неудовлетворительное понятіе о ея таинствахъ и іерархіи, забывая, что 70,000,000 (нынѣ почти вдвое больше) христіанъ принадлежатъ къ сей Церкви. Такъ они представляютъ ее и глазамъ тѣхъ, которыхъ совращаютъ; а послушники ихъ, по невѣжеству своему, соглашались на всѣ клеветы, какими очерняютъ ихъ бывшую мать; они даже начинаютъ думать, что сами сдѣлались Христіанами и узнали всѣ добродѣтели съ тѣхъ только поръ,

seeking no unity in a material head outside of Christ, but in the spiritual council of all under the one headship of Christ, as it was at the time when the Christian faith came into existence. For the Orthodox Church argued in company with the great pope Gregory that if "one man calling himself universal falls into error, the whole Church would lose its truth", and in company with the council of Carthage it refuses to believe that the Holy Ghost could leave the assembly of all the bishops for the sake of some one prelate, even though it accepted that his see was first among the sees, as was this prelate's right legalized by the Councils. But his being first does not mean that he is the head or the exclusive steward of Christ. But the archpriest of Rome does not want to understand this, surrounded as he is by the handy titular patriarchs of the eastern sees. Therefore having first said *pope*, next he says *submission*, and here an eastern Christian must pause, being conscious of his own right and of the dignity of the Church. And so the west is wrong when reproaching us for our wanting no union; the west it itself responsible for the rupture, insisting upon conditions we can not accept, because they are contrary to the ancient ecumenical statutes, and the wishes for union will not be realized unless the self glorification of Rome first humbles itself, and instead of being illegally supreme the see of the ancient metropolis becomes once more simply first as it originally was.

But the Romans can not bring themselves to believe this, because, looking as they do at the Orthodox Church from their own center, they form but a very unsatisfactory idea about its Sacraments and hierarchy and forget that 70,000,000 Christians—at present almost twice as many belong to that Church. They represent it in this light to those whom they mislead; and those who listen to them accept all the calumnies

какъ взошли въ общеніе Римское. «Бѣдные, у васъ нѣтъ отца!» говорятъ имъ съ состраданіемъ, и эти произвольныя сироты, мимо отеческихъ объятій своихъ законныхъ пастырей, стремятся цѣловать ноги епископа и обладатели Римскаго у подножія его трона, оставленнаго воинскою стражею. Имъ скажутъ нѣсколько словъ изъ текста Евангелія: «ты еси Петръ, и паси овецъ Моя», не прояснивъ оныя Дѣянїями и посланїями Апостольскими и писанїями отеческими, какъ чистымъ зеркаломъ первобытной Церкви. Потому ихъ увѣрять, что Петръ Апостоль 25 лѣтъ былъ епископомъ Рима, вопреки современнымъ лѣтописямъ, которыя свидѣтельствуютъ, что оба верховные Апостола еще при жизни своей рукоположили, одного за другимъ, трехъ первыхъ епископовъ Римскихъ; скажутъ также нѣсколько укорительныхъ словъ о патриархѣ Фотіи, хотя и послѣ него около двухъ столѣтій еще продолжался миръ церковный, и наконецъ, изобразивъ своими красками соборъ Флорентинскій, запятнаютъ Церковь православную именемъ схизматической, и при этомъ страшномъ нареканіи падаютъ ницъ новообращенные, которые никогда не учились исторїи церковной и вовсе не вѣдаютъ фактовъ соборныхъ. Но вотъ что весьма замѣчательно: сами Римляне мало ихъ знаютъ, потому что духовное ихъ образованіе такъ направлено къ непоколебимой вѣрѣ въ намѣстничество папское, что они только знаютъ то, что въ пользу его, и даже не подозрѣваютъ возможности противорѣчїя правиламъ соборовъ и фактамъ историческимъ; потому, избѣгая такого рода пренїя, гдѣ противъ нихъ свидѣтельствуется истина самыхъ событій, охотнѣе обращаются въ общимъ понятїямъ о единствѣ Церкви, и стараются положить въ основаніе и во главу угла одинъ только свой камень Апостольскій, какъ будто бы и мы не утверждены также «на основанїи Апостоловъ и пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ Самого Іисуса Христа» (Еф. II, 20). Мысль о единствѣ такъ олицетворена у нихъ папою и, можно сказать,

against their former Mother; they even begin to think that they became Christian and learned all the virtues only since having entered the Roman communion. They hear: "you, poor people, you have no father", and the self-evolved orphans run past the fatherly embrace of their lawful pastors, eager to kiss the feet of the bishop and proprietor of Rome, the base of whose throne is protected by military guards. They hear a few words on the text of the Gospels "thou art Peter" and "feed my lambs", but no explanation is given to them from the acts and epistles of the apostles or the writings of the fathers, which are the pure mirror of the primitive Church. Then they are assured that St. Peter was the bishop of Rome during 25 years, contrary to contemporary annals which state, that the two chief apostles consecrated in their life time the three first bishops of Rome, consecutively; then a few reproachful words are spoken concerning the patriarch Photius, though peace reigned in the Church during two centuries after his death; then painting the council of Florence in glowing colours, they soil the Orthodox Church by calling it schismatic, and at this awful accusation, the new converts fall down and worship, though they never studied the history of the Church and know nothing about the true facts of the Councils.

And here is something remarkable: the Romanists themselves know these facts but very little, because their ecclesiastical education so tends towards the unshakable belief in the pope's stewardship, that they are taught only that which proves it and do not even suspect that it is possible they contradict both the rules of the Councils and the facts of history. Therefore they avoid such discussions in which the truth of events bears witness against them and are more willing to turn to the more general ideas about the unity of the Church, trying to place at the head of the corner their own apostolic stone,

такъ матеріальна, что они не постигаютъ даже, въ его, соборнаго Апостольскаго единства во Христѣ Иисусѣ, засвидѣтельствованнаго вѣками, и называютъ такое ученіе протестантскимъ, сами не примѣчая, что нигдѣ это напряженное олицетвореніе единства, досыше силь чловѣческихъ возложено бремя соборное на одно лице, то по необходимости хотятъ возвысить лице сіе надъ чловѣчествомъ, вопреки здраваго ученія Церкви, облекая папу и въ неподобающее ему могущество царское и сажая его даже на престолъ Божій, т.-е. на самый алтарь, гдѣ приносится Голгофская жертва, чтобы ознаменовать его мнимое намѣстничество. — Нѣтъ, цѣною такихъ противозаконныхъ соблазновъ никогда не продастъ своего достоинства Православная Каколическая Церковь и не приметъ, вмѣсто желаемаго ею единства, покорности Риму! Если я съ возможною подробностію и безпристрастіемъ описалъ богослуженіе папское, строго отдѣляя личность отъ обряда, воздавая каждому подобающую честь, и съ должнымъ уваженіемъ къ епископу первенствовавшей кафедрѣ, то это для того, чтобы поражаемые внѣшнимъ блескомъ вникали во внутренній смыслъ; а если они, оставляя свое, хотятъ поклониться чуждому, то пусть по крайней мѣрѣ вѣдомнятъ слова Господа женѣ Самарянской: «вы не знаете, чему поклоняетесь, мы же знаемъ то, чему поклоняемся» (Іоан. IV, 22).

(А. Н. Муравьевъ)

as if we also were not "built upon the foundation of the apostles and prophets, Jesus Christ Himself being the chief corner stone" (Ephesians, II, 20). For them the idea of unity came to be so entirely personified by the pope and we may say so material, that they can not conceive, outside of him, any apostolic council union in Jesus Christ, to which centuries bear witness, and say a doctrine of this kind is protestant being quite unconscious that nowhere more than in Rome a stranger's eyes are offended by this overstrained personification of unity, which almost amounts to idolworship. As the burden placed on one ecumenical person is above human power, it becomes necessary that this person should be raised above humanity, that, in spite of the sane teaching of the Church, the pope should be invested with the unbecoming royal power and even placed on the throne of God, that is on the very altar, from which is offered the sacrifice of Golgotha, all to demonstrate his stewardship.

No, the Orthodox Catholic Church will never sell its dignity for the price of such unlawful temptation, accepting submission to Rome instead of the wished for union. If I described the papal church services in as detailed and dispassionate a way as possible, strictly separating the person from the rite, giving each its due and with due respect to the bishop of the first see, I did so only in order that those who are dazzled by the exterior brilliance might enter the interior significance. And if still leaving their own they want to bow down before the alien, let them at least remember the words the Lord spoke to the woman of Samaria: "ye worship ye know not what, we know what we worship" (St. John, IV, 22).

(A. N. Mouravieff)

воленію не могій быти противей, и не хотя повинуся пріяти священство».

«По нѣколикихъ же лѣтъхъ преподобный Платонъ претруженный и многолѣтняя ради старости своея немощень бывъ, восхотѣ оставити свое начальство, и желаше, да блаженный Феодоръ приметъ власть вмѣсто его, и часто ему о семъ глаголаше, моля и наказуя, да облегчитъ бремя отцу своему, и самъ да понесетъ еяко брѣпчайшій, и во всѣхъ иноческихъ уставахъ искусный». Въ этихъ уговорахъ преп. Платона съ цѣлью склонити преп. Феодора къ принятію священства выразилась отеческая попечительность о братіи преподобнаго настоятеля. Вмѣстѣ обнаружилась заботливость о томъ, чтобы ни одинъ талантъ, данный Господомъ духовнымъ дѣтямъ его, не пропалъ напрасно, а принесъ плодъ. Проницательность старца обнаружилась въ выборѣ преп. Феодора въ настоятеля обители. Однако смиреніе блаженнаго Феодора удерживало послѣдняго отъ пріятія сана. Тогда, — продолжимъ рѣчь словами житія преп. Феодора Студита, — «преподобный Платонъ, видя не покаяющагося Феодора, ухитри вещь такову: ляже на одрѣ аки боляй, воистину бо уже немощень бѣ, и созвавъ всю братію, повѣда имъ себе при исхожденіи быти, и вопроши: кого по немъ настоятеля себѣ имѣти соизволятъ? кто имъ лучший быти мнится? Вѣдаше бо преподобный, яко не днаго кого изволятъ, точию Феодора: вси бо его любяху, и почитаху за премногую его добродѣтель. И бысть тако, вси едиными усты рѣша: Феодоръ обязанъ тому, что менъ намъ да будетъ. Платонъ же абіе всю власть Феодору вручи».

Несомнѣнно, что духовнымъ указаніямъ преп. Платона преп. Феодоръ обязанъ тому, что монашеское житіе зацвѣло въ той обители при юномъ настоятелеѣ. Примѣръ престарѣлаго старца возбуждалъ преп. Феодора къ самому старательному прохожденію имъ его обязанностей.

Между тѣмъ, какъ такъ пышно процвѣла пустыня, на престольный царственный градъ нашло злое попущеніе: царь Константинъ VI преп. Феодоръ, а учитель его, преп. Платонъ,

при жизни первой жены, женился вторично. Злой примѣръ повлекъ не менѣе злое подражаніе со стороны вельможъ и правителей; беззаконіе стало разливаться неудержимо. Вѣсти о томъ доходили въ сокровенный Сакудіанъ, весьма смущая добродѣтельныхъ иноковъ. Воспылала тогда ревностію о законѣ Божіемъ какъ юный лаль тогда ревностію о законѣ Божіемъ какъ юный еще Феодоръ, такъ и хилый уже преп. Платонъ. Она они начали посылать по всемъ монастырямъ увѣщаніе признавать беззаконнаго царя отлученнымъ отъ церкви Христовой. Письма преподобныхъ возымѣли свое дѣйствіе: во многихъ обителяхъ перестали поминать царя, какъ разорителя Божія закона, на общихъ молитвахъ. Царь не медлилъ съ гнѣвомъ своимъ. Но сперва онъ пожелалъ ласкою и уговоромъ склонити преподобныхъ въ свою пользу, почему отъ имени своей новой жены послалъ въ Сакудіанъ дары. Преподобные не приняли посланныхъ. Тогда царь послалъ воиновъ разогнать старцевъ силою. Тогда-то преп. Феодоръ, получивши многія тяжелыя раны, былъ посланъ съ другими иноками на заточеніе въ Солунь. Тогда и преп. Платонъ, вмѣстѣ съ другими двѣнадцатю, послѣ жестокихъ побоевъ, оказался въ темницѣ.

Но ни гнѣвъ царя, ни темница не поколебали сильныхъ благочестіемъ простыхъ чернецовъ. Они стали еще болѣе распространять вѣсти о беззаконіи царя и благочестіи иноковъ. Лишь когда скончался беззаконный правитель, царицею Ириною были возвращены въ свое прежнее мѣсто жительства исповѣдники-старцы.

Не долго однако они наслаждались миромъ. Преподобные вступили на прежній мирный подвижническій путь, но страхъ нашествія Агарявъ принудилъ ихъ на-время забыть любезную имъ пустыню и переселиться въ Царьградъ. Мѣстомъ жизни является для нихъ монастырь Студійскій съ его уставомъ о непрекращаемомъ чтеніи псалтири. Настоятелемъ монастыря былъ поставленъ патриархомъ Тарасіемъ преп. Феодоръ, а учитель его, преп. Платонъ,

попрежнему остался духовнымъ руководителемъ и образцомъ въ вѣрѣ и благочестіи всѣхъ насельниковъ обители. Такъ при устроеніи Студійскаго монастыря чрезъ основаніе въ немъ всякаго рода мастерскихъ: теслярскаго, ткацкаго, глинобитнаго, кузнечнаго и т. п., сказалось вліяніе преп. Платона, бывшаго вдохновителемъ къ тѣмъ же работамъ еще въ Сакудіанѣ. Забота объ умноженіи книгъ и церковныхъ пѣснопѣній чрезъ списываніе древнихъ и составленіе новыхъ, чѣмъ особенно прославился монастырь Студійскій, — опять было какъ бы продолженіемъ дѣла, начатаго преп. Платономъ еще въ раннѣйшее время его подвижничества послѣ ухода отъ мірской жизни.

Настало правленіе Никифора, свергнувшаго съ престола царицу Ирину. Опять началось поправленіе законовъ церковныхъ и опять возвысилъ свой голосъ преп. Феодоръ, и съ нимъ его братъ, преп. Іосифъ Пѣснописецъ, и достоблаженный старецъ Платонъ. Не смотря на престарѣлый возрастъ старца, его сослали на одинъ изъ острововъ Мраморнаго моря, гдѣ старецъ пробылъ отъ 807 года по 811 г. Возвращеніе изъ заточенія произошло уже при императорѣ Михаилѣ Киропалатѣ.

Такъ возвратились въ свой монастырь Студійскіе подвижники. Не долго впрочемъ служилъ Господу въ брвенномъ тѣлеси преп. старецъ. Наступилъ 813 годъ и кончина преподобнаго. Объ этомъ житіе преп. Феодора Студита повѣствуетъ такъ:

«Въ то время священный онъ и достохвальныи Платонъ ко Господу отиде. Слышавъ же патріархъ о преставленіи его, прииде со всемъ клиромъ своимъ въ монастырь Студійскій и рѣловавъ святыхъ его мощи, погребе честно». Днемъ смерти преп. Платона былъ 5 апрѣля 813 года.

Православная Церковь ублажаетъ преподобнаго Платона общимъ тропаремъ ко исповѣдникамъ:

Гласъ 8. — «Православія наставниче, благочестія учителю и чистоты, вселенныя сръбтільниче, архіереевъ богодухновенное

удобреніе, Платоне премудро, ученми твоими вся просвѣтилъ еси, цѣвнице духовная: моли Христа Бога Спасителя душамъ нашимъ».

Кондакъ, гласъ 2-й:

«Мірскаго прельщенія избѣжавъ, иноки православію обучилъ еси, Платоне чудне, и заточенія и изгнанія Христа ради претерпѣлъ еси, сего ради вси вѣрно и благочестно вошемъ ти: моли непрестанно о всѣхъ насъ».

На священныхъ изображеніяхъ преп. Платонъ Исповѣдникъ представленъ благолѣпнаго вида русымъ старцемъ-схимникомъ, держащимъ въ лѣвой рукѣ свитокъ съ слѣдующею, высокосодержательною молитвою преподобнаго объ ученикахъ его и всѣхъ христіанахъ: «Дажь имъ, Господи, увѣдѣти Тебе истиннаго Бога и утверди ихъ въ правую вѣру».

Въ 1913 году исполняется 1100 лѣтъ со дня кончины преподобнаго, этого поистинѣ «православія наставника» и «вселенныя свѣтільника». Почтимъ его память, да и онъ помолится о насъ предъ Всевышнимъ, Ему же честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Л. Т.

«0»

ВОПРОСЪ О НАРОДНОСТИ ВЪ ЕГО НАУЧНОЙ ПОСТАНОВКѢ.

В. З. Завитневича.

Между идеями, выдвинутыми новѣйшею европейской исторіей, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ идеѣ народности. Зародившись въ эпоху господства надъ Европой произвола Наполеона I, идея эта съ тѣхъ поръ успѣла создать многое: подъ ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ объединилась Италия, создавалась сильная Германія, призваны къ новой жизни христіанскіе народы Балканскаго полуострова; слѣды ея проявленія видны и въ борьбѣ политическихъ страстей разноплеменной Австріи, и т. д. Параллельно съ воплощеніемъ этой идеи въ дѣйствительной жизни идутъ попытки и ея теоретическаго обоснованія. Починъ въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ знаменитому германскому философу Фихте Старшему. Его пламенная проповѣдь, нашедшая своеобразное подкрѣпленіе въ системѣ Ге-

геля, скоро сдѣлалась неотъемлемымъ достояніемъ сознанія сначала нѣмцевъ, а потомъ—въ той или другой формѣ,—и всѣхъ другихъ западно-европейскихъ народностей. И если бы въ настоящее время нашелся человекъ, который бы любому изъ западно-европейскихъ народовъ предложилъ отречься отъ началъ своей народности и самобытности въ дѣлѣ культурнаго развитія, то можно съ увѣренностію утверждать, что подобная проповѣдь объявлена была бы дѣломъ безумной дерзости и, конечно, осталась бы гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Не такова историческая судьба идеи народности въ нашемъ отечествѣ. Мы, русскіе люди, обнаружившіе столько слѣпой подражательности въ отношеніи ко всему тому, что только доходило до насъ съ Запада путнаго и непутнаго, на этотъ разъ какъ будто измѣнили себѣ и задумали оригинальничать. И вотъ, когда въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ изъ небольшого кружка славянофиловъ раздался призывной голосъ, предлагавшій культурнымъ слоямъ нашего общества возвратиться къ началамъ своей народности, этотъ призывъ встрѣченъ былъ, какъ извѣстно, самыми грубыми насмѣшками, самымъ пошлымъ издѣвательствомъ. На первыхъ порахъ можно было подумать, что такое отношеніе къ искренней проповѣди благороднѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей было дѣломъ простого недоразумѣнія, происшедшаго отъ того, что въ первыхъ сочиненіяхъ славянофиловъ многое казалось отрывочнымъ и недосказаннымъ, не мало бы туманности и увлеченія. Скоро однакожь выяснилось, что тутъ дѣло не въ недоразумѣніи. Это особенно сдѣлалось яснымъ, когда въ 1869 году появилось въ печати извѣстное изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго: «Россія и Европа», въ которомъ идея народности получила такое блестящее обоснованіе, что оставила за собою все, что по этому вопросу появлялось до этого у насъ и въ 3. Европѣ. Извѣстно, что въ философіи исторіи прежде господствовало, отчасти и по настоящее время держится воззрѣніе, по которому исторія человѣческаго прогресса представляется въ видѣ непрерывающагося движенія впередъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что начала, выработанныя культурою предшествовавшихъ по времени народовъ, передаются для дальнѣйшаго развитія народамъ, вновь выступающимъ на историческое поприще. Доказавъ искусственность такой группировки историче-

скихъ фактовъ, группировки, естественной съ точки зрѣнія стараго нѣмецкаго идеализма, но совершенно не соответствующей дѣйствительному теченію исторической жизни, нашъ знаменитый соотечественникъ выдвигаетъ свою теорію, которую можно назвать теоріей «культурно-историческихъ типовъ». Сущность ея заключается въ слѣдующемъ. Взаимодѣйствія двухъ народныхъ культуръ, послѣдовательно или одновременно выступающихъ въ исторіи, Данилевскій не отвергаетъ; напротивъ, онъ признаетъ за нимъ широкое оплодотворяющее значеніе. Онъ прямо утверждаетъ, что все то, что стоитъ внѣ сферы народности, т. е. выводы и методы положительныхъ наукъ, технические приемы, усовершенствованія искусствъ и промышленности и т. д., все это можетъ и должно передаваться отъ одного народа къ другому. Онъ не допускаетъ лишь одного, именно—передачи самыхъ началъ той или другой народной культуры, т. е. того, въ чемъ отражаются характерныя особенности психическаго строя народа, что составляетъ, такъ сказать, фізіономію его души. Изъ пяти законовъ историческаго развитія, третій законъ Данилевскаго прямо гласитъ: «Начала цивилизациі одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее (цивилизацию) для себя, при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему прешествовавшихъ или современныхъ, цивилизаций». Общій смыслъ человѣческаго прогресса, съ точки зрѣнія разбираемой теоріи, состоитъ, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы идти все въ одномъ и томъ же направленіи, развивая одно какое нибудь начало (что фактически невозможно), а въ томъ, чтобы открывать міру все новыя и новыя стороны человѣческаго духа, чтобы исходить, такъ сказать, все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣчества, во всѣхъ направленіяхъ. Ясно, что такая точка зрѣнія даетъ широкое, всестороннее, полное глубокаго смысла, обоснованіе идеи народности и освобождаетъ ее отъ такого узкаго націонализма, какой придали было ей нѣмецкіе патріоты. Мало того. Теорія Данилевскаго, освобождая взглядъ на человѣчскій прогрессъ отъ узкой прямолинейности, съ какой мы встрѣчаемся въ системахъ нѣмецкихъ идеалистовъ, въ то же время не оставляетъ мѣста и для произволу «стучныхъ мозговъ», представляющихъ исторію человѣчества безсмысленной игрой слѣпого

случая. Прибавимъ къ этому, что вообще книга Данилевскаго, какъ совершенно вѣрно выразился одинъ изъ объективнѣйшихъ ея рецензентовъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, поражаетъ читателя, впервые открывшаго ея страницы, необыкновенною стройностью логической, убѣдительностью своихъ доводовъ, полною объективностью изложенія, точностью естественнонаучнаго метода, массою знаній экономическихъ, политическихъ, историческихъ и даже богословскихъ и т. д. Казалось бы, что принципъ, столь научно обоснованный и полагающій столь разумное основаніе для вѣры въ самобытность русской народной культуры, будетъ встрѣченъ передовымъ классомъ русскаго общества съ истинною благодарностью. И что же? Сочиненіе Данилевскаго, доставившее автору среди западныхъ славянъ названіе «апостола славянства», у насъ на первыхъ порахъ встрѣчено было почти полнымъ невниманіемъ, а критики, говорившіе о немъ, — скажемъ словами того же рецензента, — «съ трогательнымъ единодушіемъ, не смотря на различіе партій, отзывались равно неблагоклонно». Чѣмъ же объяснить и это невниманіе общества и эту неблагоклонность критики? Пусть отвѣтитъ критика сама за себя.

Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ критиковъ, В. С. Соловьевъ, находитъ, что Данилевскій «стоитъ всецѣло и окончательно на почвѣ племеннаго и національнаго раздора» и что поэтому идея народности, понимаемая въ духѣ Данилевскаго, противорѣчитъ, во-первыхъ, началамъ христіанства, какъ религіи вселенской, а поэтому и не терпящей той исключительности, которая неизбежно будто бы связана съ идеей народности; во-вторыхъ, она противорѣчитъ въ частности христіанской нравственности потому, что вводитъ якобы въ международныя и общественныя отношенія «безчеловѣчіе и людоѣдство» и, въ концѣ концовъ, губитъ и личную и семейную нравственность; наконецъ, въ третьихъ, она противорѣчитъ смыслу всемірной исторіи, потому что, потворствуя эгоизму народа, она мѣшаетъ послѣднему примкнуть къ всечеловѣчеству для совмѣстнаго служенія съ нимъ вселенскому дѣлу, т. е. водворенію на землѣ Царства Божія. Спасеніе отъ разрушительнаго дѣйствія этой идеи Соловьевъ видитъ въ самоотреченіи, т. е. въ отреченіи народа отъ коренящихся въ нѣдрахъ его духа своихъ собственныхъ началъ и «въ братскомъ, какъ онъ выражается, соглашеніи съ тѣмъ д у х о в-

н ы м ъ н а ч а л о м ъ, на которомъ зиждется жизнь западнаго міра»; а это духовное начало, по своеобразной логикѣ нашего философа — публициста, представляется началомъ не западно-европейскихъ только народовъ, а почему-то — началомъ общечеловѣческимъ. Обращаясь, затѣмъ, къ нашей исторіи, Соловьевъ находитъ, что все великое, что только сдѣлалъ русскій народъ въ своемъ историческомъ прошломъ, заключается именно въ его двукратномъ самоотреченіи. Первый разъ онъ отрекся отъ себя въ моментъ своего выступленія на историческое поприще въ фактѣ призванія варяговъ. Второй разъ онъ отрекся отъ себя при выступленіи на поприще культурной дѣятельности въ реформахъ Петра В. Для полнаго духовнаго возрожденія ему осталось совершить еще третье и самое главное самоотреченіе: именно — самоотреченіе религіозное въ пользу единенія съ римскимъ католицизмомъ. Въ этихъ сужденіяхъ Соловьева отчетливо намѣчается три пункта: 1) отрицательное отношеніе къ народности, какъ началу враждебному будто бы религіи, нравственности, просвѣщенію и т. д., 2) увѣреніе въ двукратномъ якобы самоотреченіи русскаго народа, и 3) требованіе третьяго самоотреченія въ пользу единенія съ римскимъ католицизмомъ. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ положеній.

мысль объ отрицательномъ отношеніи начала народности къ религіи, нравственности, просвѣщенію и т. д., насколько она направлена противъ Данилевскаго, есть плодъ грубаго смѣшенія двухъ существенно различныхъ понятій. Именно: здѣсь народность, какъ основа самоытнаго органическаго развитія всякаго культурно-историческаго типа, смѣшивается съ национально-политическою обособленностью народа, часто сопровождающеюся преслѣдованіемъ мѣстныхъ, узко-эгоистическихъ интересовъ и поэтому, дѣйствительно, враждебнаго всему общечеловѣческому. Данилевскій, какъ и всѣ славянофилы, этихъ понятій не смѣшивалъ. Разъ онъ въ широкой степени допускалъ фактъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ народныхъ культуръ, то онъ уже никакимъ образомъ не могъ идеи эгоизма, въ той или другой степени присущаго всякому общественному союзу, смѣшивать съ идеей народности, понимаемой въ смыслѣ культурно-просвѣтительнаго начала, которое, будучи однимъ изъ условій, способствующихъ органическому сплоченію людей въ об-

ществѣ, по своей природѣ не только не имѣть въ себѣ ничего эгоистическаго, но, напротивъ, можетъ мириться съ самымъ широкимъ альтруизмомъ. Конечно, злоупотребленіе всегда и вездѣ возможно; но это другой вопросъ.

Исторія представляетъ безчисленные примѣры того, какъ общественные союзы, двигаемые обычнымъ человѣческимъ эгоизмомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ историческихъ условій, становились во враждебное отношеніе къ другимъ аналогичнымъ союзамъ, хотя тѣ начала, которыя лежали въ ихъ основаніи, взятыя сами по себѣ, ничего подобнаго не требовали. Всѣмъ извѣстно, сколько совершено было самогo ужаснаго варварства, сколько пролито было человѣческой крови по благословенію римско-католической церкви. Вспомнимъ дѣянія священноинквизиціи, вспомнимъ способы варварскаго истребленія альбигойцевъ и гугенотовъ, войны шмалькальденскую и тридцатилѣтнюю вспомнимъ, наконецъ, подвиги крестоносцевъ и духовно-рыцарскихъ орденовъ, и станемъ ли мы на основаніи этихъ фактовъ доказывать, что заповѣдь о любви, которою должна руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ Церковь Христова, враждебна свободѣ совѣсти, семьѣ, нравственности, цивилизаціи и т. д. Это же слѣдуетъ сказать и о цѣломъ рядѣ другихъ явленій, крайне вредно отразившихся на ходѣ европейской цивилизаціи.

Изъ новѣйшихъ политическихъ дѣятелей, больше всего возмущавшихъ мирную жизнь человечества, какъ извѣстно, выдѣляются два: Фридрихъ II прусскій, полъ вѣка державшій подъ ружьемъ всю Европу, и Наполеонъ I, залитый ту же Европу цѣлыми потоками крови. Но спрашивается: какой другой выводъ изъ этихъ фактовъ можно сдѣлать, какъ не тотъ, что человѣческій эгоизмъ, если признаетъ нужнымъ, во всемъ найдетъ поводъ для своего проявленія. И во всякомъ случаѣ обоихъ этихъ дѣятелей можно уличать въ чемъ угодно, только не въ націонализмъ: талломанъ Фридрихъ, какъ извѣстно, съ презрѣніемъ относился къ народнымъ началамъ того государства, политическіе интересы котораго онъ преслѣдовалъ, а корсиканецъ Наполеонъ на французскомъ тронѣ и въ дружбѣ и во враждѣ руководствовался интересами, не имѣвшими ничего общаго съ национальными чувствами тѣхъ народовъ, съ которыми онъ дружилъ и враждовалъ. Здѣсь въ обоихъ случаяхъ начало народности не при-

чемъ. Конечно, забота объ охранѣ цѣлости, единства и вообще интересовъ представителей тогоили другого народнаго типа можетъ повлечь за собою рядъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію народамъ, посягающимъ на эту цѣлость, на это единство, на эти интересы; но причиною такихъ же дѣйствій можетъ быть и забота о спасеніи чести, свободы, имущества, цѣлости государства и т. д. Станемъ ли мы изъ-за этого попираетъ идею чести, свободы и т. д. Вообще, изъ всѣхъ высшихъ идей, которыми когда нибудь руководилось человечество въ своей жизни, идея народности принадлежитъ къ числу самыхъ мирныхъ, ибо сфера законнаго ея вліянія есть область духовнаго просвѣщенія. Конечно, злоупотребленія и здѣсь возможны; но они, какъ сказано, возможны вездѣ и всегда. (Окончаніе слѣдуетъ).

«0»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„СВѢТЪ“

НА 1913 ГОДЪ.

Цѣна на годъ 1 д. 50 ц.

За границу 2 долл.

Кто пришлетъ годовую подписку до 1 Января 1913 г. по новому стилю, тому даромъ вышлется КАЛЕНДАРЬ «СВѢТА» на 1913 годъ.

Адресъ:

“SVIT”, 166 AVE. A. N. Y. CITY

Редакторъ,

Каѳедральный Прот. А. Хотовицкій